

Вначале я представить себе не могла, что он реально существует. Еще бы: шел восемьдесят первый год, когда казалось, что количество людей, «друживших с Высоцким», вот-вот превысит население страны. А тут еще один «приятель». Этот, правда, с покойным поэтом не пил, из милиции его не выручал, на машине Высоцкого не ездил, в умопомрачительной аварии его не спасал... Впрочем, нет, спасал — только не Высоцкого, а его рукописи-черновики. И теперь у него целая кипа ранних песен поэта, многие из них вообще неизвестны.

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

«...Я УХОЖУ, ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ ЗДЕСЬ»

Потом наступило лето восьмидесят второго, когда среди стыдливо-газетно-журнального молчания о Высоцком вышла статья Ст. Куняева в «Литературке». Хотя и была она напечатана под рубрикой «Полемика», письма читателей, возмущенных статьей, на страницах тогдашней «ЛГ» не появились и, как водится, стали широко распространяться в списках. Вскоре я держала в руках копию письма за подписью — А. Евдокимов. Так я снова услышала о нем, хранителе неизвестных стихов Высоцкого.

Александр Дмитриевич Евдокимов оказался на редкость интересным собеседником, и, может быть, поэтому спросила его о рукописях уже уходя. «Хотите посмотреть?» — и мы вернулись в комнату. Передо мной на стол легла простая папка. Первый и пока единственный раз я держала в руках оригиналы рукописей Высоцкого. Листы белые, зеленоватые, с легкой желтизной. Обычного формата. Без каких бы то ни было признаков небрежного обращения. Тексты? Тогда запомнила только «Сидели пили вразнобой...», может быть, потому, что на листе была автоиллюстрация — первый рисунок Высоцкого, который мне довелось увидеть.

— Как я познакомился с Высоцким? Кажется, у Л. Седова, друга известного писателя-фантаста Кира Булычева.

Как попали к нему рукописи?

— Володя попросил перепечатать тексты, дал эти листы, да так и не забрал. Вот они у меня и остались. Когда это было — точно не помню. Году в шестьдесят шестом, но, во всяком случае, не позднее середины шестьдесят седьмого.

Тексты Высоцкого, черновики, беловики, правленная поэтом машинопись... И — целый веер впечатлений. Есть тут «известный» Высоцкий. Есть Высоцкий неожиданный: когда читаешь строку за строкой и кажется, что глядит на тебя не один, а сразу два знакомых тебе текста — среди хорошо известных строф «Здесь вам не равнина...» вдруг явственно слышен голос другой песни — «Мерцал закат...».

А вот ранний вариант песни «Про боксера» читаешь и огорчаешься: какую строку — яркую, живую, ироничную — поэт зачеркнул, заменив ее сухо-протокольной. Вот как было вначале: «Удар, удар, еще удар, опять удар — и вот противник мой — какой кошмар! — проводит «плеркот...» Щедрый, расточительно щедрый талант: тем, кто работал с рукописями Высоцкого, хорошо известно, сколько прекрасных строк так и осталось у него в черновиках...

Ну и, конечно, есть в рукописях, хранящихся у А. Д. Евдокимова, и «неизвестный» Высоцкий. Эти тексты и представлены в предлагаемой читателю подборке. Все они написаны поэтом в 1965—1966 годах.

...Память — странная штука. В первый раз человек вспоминает то, что было, в остальные — то, что рассказал об этом в первый раз Евдокимов. А еще никто не расспрашивал. Поэтому не знаю, что он расскажет мне о Высоцком, каким он его знал и любил, каким запомнил. Но об одном могу догадываться: рассказывая о поэте, он будет, может быть, избавлен от мук сожаления, которыми терзаются многие близкие Высоцкому люди — «не записал», «не сберег»... Он, Евдокимов, сделал что мог: сохранил для нас рукописи поэта, деятельную любовь к нему, не омрачив ее и тенью корысти.

Л. ТОМЕНЧУК.
ДНЕПРОПЕТРОВСК.

Прошлое остается только здесь — в музее древностей, Люди постепенно привыкают к чудесам, Время наступает такое, что каждому — по потребности... А у меня потребность — все вернуть по адресам.

Вот она, собственность разных людей. Вещи, как вы сохранились? Я эту собственность сделал своей — Но времена изменились.

Хватит гоняться за мной по пятам, Мрачное напоминание! Хватит с меня — ты останешься там, В этой приятной компании.

Ты приходил, чтобы сбить с меня спесь, Шел к своей цели упрямо... Я уйду, ты останешься здесь: Место твое среди хлама.

Проходят годы, прожитые всеми, Но не у всех один и тот же срок. Когда сказал: а вот, мол, в наше время, — То это значит, что подвел итог.

Вот! В наше время все было не так — По другим мы дорогам ходили. В наше время все было не так — Мы другие слова говорили... В наше время все было не так. Мы не всегда чем старше, тем мудрее, Но почему-то — сразу не поймешь —

Мы часто вспоминаем наше время, Когда ругаем нашу молодежь. Да! В наше время все было не так — По другим мы дорогам ходили. В наше время все было не так — Мы другие слова говорили... В наше время все было не так.

Конечно, неизбежно повторенье. Но сетуя на тех, кто слишком юн, И часто говоря: «Вот в наше время...»

Мы вспоминаем молодость свою.

Нет! В наше время бывало и так — Мы по тем же дорогам ходили. В наше время бывало и так — Мы и те же слова говорили... В наше время бывало и так!

Есть у всех, у дураков И у прочих жителей Средь небес и облаков Ангелы-хранители.

То же имя, что и вам, Ангелам присвоено: Если, скажем, я — Иван, Значит, он — Святой Иван.

У меня есть друг, мозгуем Мы с Николкой все вдвоем, Мы на пару с ним воруюм И на пару водку пьем.

Я дрожал, а он ходил, Не дрожа нисколечко — Видно, очень Бог любил Николай Угодничка.

После дела тяжкого Ох, завидовал я как... Вот святой Никола — во! Ну, а мой Иван — дурак.

Я придумал ход такой, Чтoб заране причитать: Мне ж до Бога далеко, А ему — рукой подать.

А недавно снилось мне, И теперь мне кажется: Николай Угодник — не-, А Иван мой — пьяница.

Но вчера патруль накрыл И меня, и Коленку — Видно, мой-то соблазнил Николай Угодника.

Вот в тюрьме и ожидай — Вдруг вы протрезвеете. Хоть пошли бы к Богу в Рай, Это ж вы умеете.

Нет, надежды нет на вас! Сами уж отвертимся! На похмелку пьете квас — Мы на вас не сердимся.

● В. Высоцкий, г. Орджоникидзе, 1978 год.